

шений в варварском мире — вопрос, которому справедливо придавал большое значение Ф. Энгельс. За исключением статьи М. Я. Сюзюмова, этот вопрос — один из основных для истории переходного периода от античности к средним векам — не был нигде рассмотрен во время дискуссии.

К числу проблем, совершенно не затронутых в ходе дискуссии, относятся и намеченный мною для исследования вопрос, который до сих пор вообще не привлекал, за одним исключением⁴, специального внимания историков, а именно вопрос о натуральном и денежном обмене в IV—V вв. н. э.

Прежде чем перейти к изложению вопроса, я считаю необходимым сделать несколько предварительных замечаний, чтобы тем самым точнее определить задачи данной статьи — выводы которой я расцениваю в большинстве случаев как рабочую гипотезу — и ее место в той дискуссии, которая была начата советскими учеными.

Во-первых, нужно сказать об общем значении поставленной проблемы. Беря в качестве исходного пункта своих исследований *обращение* товаров, а не *производство* их, буржуазная историография приходила к выводу, что в общем экономическом процессе существуют только три ступени: натуральное хозяйство, денежное и кредитное. Опровергая эту теорию, которая ошибочно считалась приемлемой для всех эпох, Маркс доказал, что она отрывает друг от друга формы обращения, присущие одному и тому же способу производства, отождествляя в то же время формы, принадлежащие различным способам производства⁵. В античном мире обмен существовал в течение веков рядом с отсталыми формами натурального хозяйства, унаследованными от предшествующей эпохи. И по мере того, как развивалось денежное хозяйство, оно становилось все более и более характерной чертой рабовладельческой экономики. Поэтому большая или меньшая интенсивность денежного обращения является одним из самых ярких показателей того, находится ли экономическая и социальная структура общества, присущая рабовладельческому строю, еще в состоянии расцвета или она уже затронута процессом разложения. С этой точки зрения мы и подойдем в данной статье к исследованию некоторых вопросов, связанных с монетной системой или денежным обращением IV—V вв. Полученные таким образом наблюдения помогут решить, насколько правомерно утверждать, что в этот период еще господствовали отношения, присущие рабовладельческому строю, и в какой степени можно констатировать определенные черты — более или менее четкие — рождающегося феодального строя.

Исследование поставленной нами проблемы имеет значение и для решения еще некоторых других вопросов, поднятых в ходе дискуссии, начатой советскими исследователями. В частности, это исследование может способствовать лучшему пониманию способов, при помощи которых римская рабовладельческая надстройка активно содействовала сохранению форм обращения, присущих рабовладельческому обществу, в противовес таким явлениям, которые означали развитие в недрах Римской империи предпосылок будущего феодального строя.

⁴ Исключение, о котором я упомянул, — это труд S. Mazzarino. *Aspetti sociali del quarto secolo* (Roma, 1951), интересный и тем, как в нем поставлен вопрос, и теми общими социально-политическими выводами, которые там сделаны и к которым нам еще придется вернуться. Это исследование итальянского ученого было упомянуто на X Международном съезде историков в числе важных работ, вышедших за последние годы (см. W. Seston. *Die Constantinische Frage. Relazioni del X Congresso internazionale di scienze storiche*, vol. II. Firenze, 1955, p. 434—436; ср. vol. VI, p. 791).

⁵ См. К. Маркс. *Капитал*, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 121 сл.